

Предисловие составителя

Сам Михаил Евграфович Салтыков (Н. Щедрин) (1826—1889) не любил словарей избранных мыслей — «мыслительных обрывков», образующих, по его словам, «безвкусный винегрет».

По поводу одного из таких незадачливых опытов, изданных в Петербурге в 1878 г., он заключал: «Отдельные мысли, будучи вырваны из той логической цепи, в которую они были первоначально заключены в качестве необходимого звена, принимают характер не помнящих родства. Они перестают быть мыслями и делаются краткими и притом совершенно случайными изречениями, о которых нельзя сказать, насколько они верны или ложны, потому что Бог весть откуда они явились и куда могут привести»¹. Подобная книга — «энциклопедия ума» — «человеку вполне невежественному, несомненно, поможет приобрести репутацию мудреца в глазах другого, столь же невежественного человека» (9, 449).

Тем более необходимо объяснить относительно замысла книги, посвященной «отдельным мыслям» самого Салтыкова-Щедрина², мыслям, вырванным из сотканного авторской волей контекста и представляемым на публичное обозрение.

С юности я был и остаюсь убежденным поклонником щедринского сатирико-публицистического дара. Этим увлечением обязан я в первую очередь своему блистательному

¹ Салтыков-Щедрин М.Е. Собр. соч.: в 20 т. Т. 9. М.: Художественная литература, 1970. С. 448. Все последующие ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием (в скобках) соответствующих тома и страницы.

² Здесь и далее Михаила Евграфовича Салтыкова (Н. Щедрина) мы именуем привычным для обыденно-речевой и литературно-издательской практики образом.

университетскому учителю — профессору Евграфу Ивановичу Покусаеву (1909—1977). Я прошел его семинары по истории русской сатиры на филологическом факультете Саратовского государственного университета, потом — аспирантуру при кафедре русской литературы, которой он заведовал. Защищал дипломную работу, а спустя три года и диссертацию, посвященную особенностям художественного мышления писателя-сатирика. Затем мне посчастливилось работать на той же кафедре под началом Евграфа Ивановича...

Тесно сближали и общие щедриноведческие дела и инициативы: участие в издании и комментировании самого полного на нынешний день щедринского Собрания сочинений в 20 томах, работа в соавторстве с Е.И. Покусаевым над книгой для издательства «Просвещение» и другие исследовательские заботы, прямо или косвенно связанные с сатирой Салтыкова-Щедрина...

Изобретательные щедринские тексты, язвительно остро объясняя окружающую нас реальность, помогали в общении с близкими людьми находить точные определения происходящего на наших глазах. Победительно озорно вершили суд над вероломным пустословием, коварной подлостью и беспардонным лицемерием. Только-только почувствуешь, как «достаёт» тебя очередная напасть всепланетарного, всероссийского или местного масштаба — полистаешь Салтыкова-Щедрина... И всякий раз совершенно неожиданно открываешь для себя поразительно точный и отрезвляюще-ядовитый комментарий к «переживаемому моменту»...

Так было во все времена. В читательском мире воспоминание о писателе-сатирике сопровождалось понимающе горестной и многозначительной усмешкой: вот, дескать, что на свете творится! ничего не поменялось! как прав был, однако, наш сатирик! Прав, потому что неизменно касался самых затаённых глубин человеческой психологии, укоренённых нравов социально-политической жизни.

Сегодня Салтыкова-Щедрина мало кто читает. И с этим ничего не поделаешь. Это грустная реальность. В него не заглядывают даже те, кто по роду профессиональных занятий мог бы черпать в щедринских текстах бездну удивительных — на разные случаи жизни — премудростей. Премудростей ехидных и простодушно-лукавых, добросердечных и комичных, провидческих и только по видимости наивных...

И прежде Салтыков-Щедрин был труден для читателя, настойчиво требуя от него отрешения от праздного досуга, беспокойного погружения в толщи запутанных общественных отношений. Очень избранно его «проходили» в средней школе (две-три сказки, главы из романа «Господа Головлевы» и/или из «Истории одного города»). Изредка (случалось, с большим успехом!) инсценировали. Подходящие цитаты время от времени включались в ответственные политические речи — для уместного властного назидания, сопровождавшегося «оживлением» и «смехом в зале»...

Теперь же, когда чтение художественных текстов, увы, перестает быть делом насущно важным (особенно для входящих в жизнь новых компьютерных поколений), и вовсе завершается век автора остроумных, горестно-мудрых и вынужденно многословных речевых периодов, автора, постоянно общавшегося со своим читателем на особом — для посвященных! — «эзоповом языке». Неукоснительно въедливая цензура приучала читающую аудиторию к искусству дешифровки и угадывания мыслей «между строк»...

Прошли времена, и сатирическую публицистику Салтыкова-Щедрина стало очень трудно воспринимать вне погружения в контекст современной ему эпохи, в острые журнально-газетные споры позапрошлого века и т.д.

Осторожно предположим, что речь, вероятно, не идет пока еще о таких пронизанных глубоким психологизмом произведениях, как «Господа Головлевы» или «Пошехонская

старина», или о вершинных художественно-гротескных текстах — «Помпадуры и помпадурши», «История одного города», «Современная идиллия», о некоторых сказках.

Но, наверняка, щедринские «Губернские очерки», «Невинные рассказы», «Сатиры в прозе», «Наша общественная жизнь», «Признаки времени», «Письма о провинции», «Итоги», «Дневник провинциала в Петербурге», «В больнице для умалишенных», «Благонамеренные речи», «В среде умеренности и аккуратности», «Круглый год», «Письма к тетеньке», «Убежище Монрепо» и ещё десятки сатирических, критико-публицистических и других текстов остаются для наших современников наглухо закупоренными.

Между тем, спрос на них обратно пропорционален их внутреннему социально-энергетическому заряду, который с годами не только не идет на убыль, но напротив, обнаруживает убийственно точное родство с заботами и болями новых времен. Одна эпоха спешит на смену другой, меняются и действующие лица истории, и политические декорации, и основные векторы общественного развития, а очень многие из раздумий и приговоров Салтыкова-Щедрина сохраняют свою убийственную злободневную силу.

Сам писатель в «Пошехонской старине» проникательно грустно объяснял долгожительство своих характеристик и прогнозов: «<...> хотя старая злоба дня и исчезла, но некоторые признаки убеждают, что, издыхая, она отравила своим ядом новую злобу дня и что, несмотря на изменившиеся формы общественных отношений, сущность их остается нетронутою» (17, 9).

Вот и хотелось, помня о предупреждениях самого писателя, сделать эти не тускнеющие от времени суждения «из вещи в себе» в объект обдумывания и настоящего удовольствия для сегодняшнего читателя. Кто-то ограничится данным здесь, поневоле «урезанным» минимумом, а для кого-

то приведенные «отрывки» могут стать первоотолчком для постепенного и более основательного погружения в сатиру Салтыкова-Щедрина.

Извлечение какого бы то ни было речевого периода из ладного словесно-художественного контекста для пущего его разглядывания и осмысления — всегда для литературоведа операция мучительно трудная. Тем более, когда речь идет о щедринских сатирико-публицистических контекстах, в которых мысль, находящаяся в цензурных тисках, кипит, вьётся, многократно по ходу дела уточняется, вновь и вновь пробует себя саму объявить и прояснить читателю-другу, достучаться до него во что бы то ни стало: «Ах, это писательское ремесло! Это не только мука, но целый душевный ад. Капля по капле сочится писательская кровь, прежде нежели попадет под печатный станок» (16-2, 8).

Щедринские иронические и саркастические мысли, представленные в этой книге, как правило, не существуют как самодостаточные тексты. Они изъятые из беспокойного пространства авторских рассуждений и предъявлены здесь в своей относительной, но вместе с тем вполне ощутимой суверенности. Очень часто происходит чудо второго их рождения. Наедине с самими собой эти «щедринизмы» начинают жить и вести себя совершенно по-новому — отзываться на наши ожидания, уже никак не связанные с собственно авторскими конкретными сюжетами.

Обращаясь к вероятному читателю-другу, Салтыков-Щедрин писал: «Я надеялся не столько на то, что ты в совершенстве усвоил себе механизм чтения, сколько на твою проницательность и догадливость, на то, одним словом, что ты не только читать, но и понимать можешь» (6, 221).

Многие вечно злободневные, ключевые явления и универсальные понятия нашей жизни оцениваются автором с самых разных сторон. Вот, к примеру, как плодотворно размышля-

ет писатель-сатирик о патриотической культуре, о сложном спектре чувств, которые с детских лет естественно и органично укореняются в человеке. Он предупреждает, имея в виду ненасытное племя предприимчивых хищников: «Отечеству надлежит служить, а не жрать его...» (13, 417). Горестно язвит по поводу лицемерной путаницы понятий: «Наилучшее выражение патриотизма заключается в беспрекословном исполнении начальственных предписаний» (7, 162). С болью душевной искренне признаётся: «Отечество есть тот таинственный, но живой организм, очертания которого ты не можешь для себя определить, но которого прикосновение к себе ты непременно чувствуешь, ибо ты связан с этим организмом неразрывною пуповиной» (13, 391)...

Слог у Салтыкова-Щедрина очень богат на иронические оттенки. То автор проникновенно лирически говорит «от себя». И тут же, словно бы в насмешку над собой, принимается рассуждать о том же самом предмете горестно саркастически. А вскоре, едва заметно переключает наше внимание с прямой речи на несобственно-прямую, с чужеродными вкраплениями — «от персонажей», чей интеллектуальный потенциал потрясаяще разнообразен. Здесь и умники-скептики, и восторженные наблюдатели, и недалёкие ревнители «порядков», и угрюмые ненавистники, и свирепые распорядители...

В этой книге мы представляем как тексты, принадлежащие автору-повествователю, так и восходящие к его сатирическим по преимуществу героям. Иногда в выбранных отрывках без дополнительных пояснений упоминаются самые известные из щедринских собирательных персонажей, ставшие крылатыми и не требующие специальных комментариев (помпадуры, глуповцы, пошехонцы).

Вынесенные в заголовок этой книги понятия «иронические и саркастические мысли» имеют в виду разную градацию комического и сатирического в приводимых текстах: иронические фразы таят в себе скрытую форму тонкой на-

смешки; сарказмы — едко насмешливые, язвительные по преимуществу речевые периоды. Мы обращаемся здесь и к суждениям Салтыкова-Щедрина, исполненным проникновенного лирического пафоса.

Помимо кратких и относительно завершенных текстов, приводятся избранные «усеченные» щедринские комические словосочетания, сближающие традиционно не сближаемые понятия и оценки...

За порогом этого собрания щедринских мудростей остались его знаменитые *собираательные* сатирические образы, требующие дополнительных комментариев. Помимо упомянутых выше и широко известных помпадуров, глуповцев и пошехонцев, это и белибердоносцы, и взволнованные лоботрясы, головотяпы, гуляющие люди, куралесы, дантисты, жирные кадыки, каплуны мысли, крепкоголовые, легковесные, пенкосниматели, пестрые люди, праздношатающиеся, пустоплясы, сердцеvedы, складные души, соломенные головы, талантливые натуры, ташкентцы и многие другие. Это и ожившие в щедринском сатирическом мире коллективные образы, созданные фантазией литературных предшественников Салтыкова-Щедрина: Молчалины, Чацкие, Тяпкины-Ляпкины, Держиморды, Хлестаковы...

Не вошли в наше издание и такие щедринские словосочетания, которые можно с относительной уверенностью назвать крылатыми. Касается это, в частности, заглавий сказочных произведений Салтыкова-Щедрина: «Премудрый пискарь», «Медведь на воеводстве», «Вяленая вобла», «Карась-идеалист», «Коняга», «Баран-непомнящий», «Орел-меценат» и др.

Все цитаты из Салтыкова-Щедрина даны (с указанием в скобках соответствующего тома, в необходимых случаях —

полутома, и страницы) по изданию: Салтыков-Щедрин М.Е. Собрание сочинений: в 20 т. М.: Художественная литература, 1965—1977. В угловых скобках и постраничных сносках помещены уточняющие замечания, принадлежащие составителю. Многоточия в угловых скобках указывают на произведенное сокращение текста.

Цитаты из Салтыкова-Щедрина представлены в последовательности, которой руководствовались редакторы Собрания сочинений. Курсивом обозначена принадлежность данной цитаты определенному щедринскому тексту или той рубрике (Критика и публицистика; Рецензии; Письма и т.д.), под которой данный текст опубликован в двадцатитомнике.

Книгу завершают краткие сведения о жизни и творчестве М.Е. Салтыкова (Н. Щедрина) и указатель произведений писателя, из которых взяты иронические и саркастические мысли на разные случаи жизни.

Некролог, посвященный И.С. Тургеневу, Салтыков-Щедрин в 1883 г. заключал грустным риторическим вопросом: «Но знает ли русский народ о Тургеневе? Знает ли он о Пушкине, о Гоголе? Знает ли о тех легионах менее знаменитых тружеников, которых сердца истекают кровью ради него? — вот вопрос, над которым нельзя не задуматься. Впрочем, это вопрос не исключительно русский, но и всемирный» (9, 459).

Вопрос остается открытым...

Что же касается представленных в этой книге суждений, то всякий, кто попробует к ним приобщиться, наверняка подтвердит: многие из них дарят внезапную радость, поднимают настроение, утешают, вызывают на спор, обнаруживают озорное созвучие нашим собственным наблюдениям над жизнью. В щедринских текстах — и поиск истины, и колебания живой остроумной мысли, и мудрый, восходящий к

вечным ценностям взгляд на отношения человека к человеку, к семье, к собственности, к государству...

Так и хочется наш сборник заключить лукаво-просто-душным предувещанием:

**все могущие возникнуть сходства и параллели
с современными нам лицами,
событиями и положениями
являются абсолютно случайными
и непреднамеренными.**

ИРОНИЧЕСКИЕ И САРКАСТИЧЕСКИЕ МЫСЛИ НА РАЗНЫЕ СЛУЧАИ ЖИЗНИ

«<...> трескучие эффекты, кажется, начинают надоедать; балаганные дивертисменты с великолепными спектаклями выходят из моды; публика чувствует потребность отдохнуть от этого шума, которым её столько времени тешили скоморохи всякого рода, опомниться от неистовых воплей и кровавых зрелищ, которые притупили её слух, испортили зрение».

«Противоречия»: 1, 71

«Душа ищет простора и света, а ей дают комнатку в три аршина и окнами на помойную яму <...>».

«Противоречия»: 1, 73

«Пора нам стать твердою ногою на земле, а не развращать себя праздными созданиями полупьяной фантазии <...>».

«Противоречия»: 1, 74

«Я знаю очень много господ, которые, сытно пообедав, громят от нечего делать действительность, меркантильное направление века, и разожженная мало-помалу всяким нравственным развратом фантазия их разыгрывается, и стоящие вокруг с разинутыми ртами лакеи с изумлением слушают, как господа рассуждают о правах всех и каждого на наслаждение жизнью и всем обещают равенство... в будущей жизни».

«Противоречия»: 1, 74

«Умное и глупое, высокое и смешное — и всё это вместе, всё рядом <...>».

«Противоречия»: 1, 77

«Это вечно серое, вечно дождливое небо, эти необозримые, Бог весть куда тянущиеся болота, эти более жёлтые, нежели зелёные луга — скорее наполняют душу тоскою, нежели изумляют и радуют её. Но я люблю её, эту однообразную природу русской земли, я люблю её не для неё самой, а для человека, которого воспитала она на лоне своём и которого она объясняет...»

«Противоречия»: 1, 95

«<...> необходима для человека вера, как точка опоры, из которой он мог бы развивать свою жизнь: отнимите у него веру, и вы отнимите у жизни его цель и смысл, и всё в нём будет так шатко и зыбко, что рушится при первом неприяженном дуновении действительности...»

«Противоречия»: 1, 147

<Герой повести «Противоречия» Нагибин:> «Я не хочу пользоваться счастьем втихомолку, как лакей, который, забившись в угол, украдкою ест барский кусок...»

«Противоречия»: 1, 154

«Россия — государство обширное, обильное и богатое — да человек-то иной глуп, мрёт себе с голоду в обильном государстве!»

«Запутанное дело»: 1, 205

«Жизнь есть ряд вопросительных знаков, господа».

«Брусин»: 1, 282

«Бедную память ребёнка истязуют, загромождают кучею ненужных чисел, сонмищами безразличных, мелочных,

никуда не ведущих и ничего не объясняющих фактов. Диво ли, что после такого ежедневного бичевания человек делается неспособным к принятию самой простой истины, как скоро только она переходит за пределы мёртвой буквы».

Рецензии: 1, 331

«Правильное, здоровое мышление вырабатывается в человеке непомерно долго и стоит невероятных усилий, упорной, настойчивой борьбы».

Рецензии: 1, 332

«Нам случалось однажды слышать, как один господин весьма серьёзно уверял другого, весьма почтенной наружности, но помирнее, что тот должен ему повиноваться, делая следующий силлогизм: я человек, ты человек, следовательно, ты раб мой. И смиренный господин поверил (такова ошеломляющая сила силлогизма!) и отдал тому господину всё, что у него ни было: и жену, и детей, и, вдобавок, остался даже очень доволен собою...»

Рецензии: 1, 334

«<...> благотворное влияние имеет на природу ребёнка и чтение, подчинённое строгому выбору».

Рецензии: 1, 335

«Если вы будете толковать ребёнку о свойстве души, когда он не знает ни на волос о свойствах предмета более ему близкого — о свойствах его бренного маленького тела, естественно, что философия покажется ему пугалом, на которое он будет смотреть не иначе, как со страхом и отвращением».

Рецензии: 1, 335

«<...> какое право имеете вы заключать, что детям будет интересно читать вашу повесть, когда в ней действуют

не живые люди, а какие-то образы без лиц, ходячие сентенции?»

Рецензии: 1, 336

«Много есть путей служить общему делу; но смею думать, что обнаружение зла, лжи и порока также не бесполезно, тем более что предполагает полное сочувствие к добру и истине».

«Губернские очерки»: 2, 14

<«Первый рассказ подъячего»:> «Брали мы, правда, что брали — кто Богу не грешен, царю не виноват? да ведь и то сказать, лучше, что ли, денег-то не брать, да и дела не делать? как возьмёшь, оно и работать как-то сподручнее, поощрительнее».

«Губернские очерки»: 2, 17

«Я всегда удивлялся, сколько красноречия нередко заключает в себе один палец истинного администратора. Городничие и исправники изведали на практике всю глубину этой тайны; что же касается до меня, то до тех пор, пока я не сделался литератором, я ни о чем не думал с таким наслаждением, как о возможности сделаться, посредством какого-нибудь чародейства, указательным пальцем губернатора или хоть его правителя канцелярии».

«Губернские очерки»: 2, 35

«Вошел господин не столько малого роста, сколько скрюченный повиновением и преданностью».

«Губернские очерки»: 2, 37

<Отставной подпоручик Живновский:> «Драться я, доложу вам, не люблю: это дело ненадёжное! а вот память, скомкать этак мордасы — уж это наше почтение, на том стоим-с».

«Губернские очерки»: 2, 58

«<...> он подает вам всю руку, как следует, ладонь на ладонь, но вы ни на минуту не усумнитесь, что перед вами человек, который имел бы полное право подать вам один свой мизинец».

«Губернские очерки»: 2, 61

«<...> как умный человек, он металла не презирает, и в душе отдаёт большое предпочтение тому, кто имеет, перед тем, кто не имеет. Тем не менее это предпочтение не выражается у него как-нибудь нахально, и разве некоторая томность во взгляде изобличит внутреннюю тревогу души его».

«Губернские очерки»: 2, 62

«<...> величествен Порфирий Петрович и на губернских балах, в те минуты, когда все собравшиеся не осмеливаются приступить ни к каким действиям в ожидании его превосходительства. Он ласково беседует со всеми, не роняя, однако же, своего достоинства и стараясь прильнуть к губернским тузам. Когда входит его превосходительство, глаза Порфирия Петровича выражают тоску и как будто голод; и до той поры <...>, покуда его превосходительство не приблизится к нему и не пожмёт его руки».

«Губернские очерки»: 2, 63

<Проект комедии:> «На сцене взяточник, он там обирает, в карманы лезет — можно обрисовать его даже самыми чёрными красками, чтобы, знаете, впечатление произвести... Зритель увлечен; он уже думает, что личность его не безопасна, он ощупывает свои собственные карманы... Но тут-то, в эту самую минуту, и должна проявиться благонамеренность автора... В то самое время, как взяточник снимает с бедняка последний кафтан, из задней декорации вдруг является рука, которая берёт взяточника за волосы и подни-

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru